

МИРЫ
КАССАНДРЫ КЛЭР

КАССАНДРА КЛЭР

ГОРОД
ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

ОРУДИЯ СМЕРТИ

КНИГА V

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
К51

Cassandra Clare

THE MORTAL INSTRUMENTS
City of Lost Souls

*Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA*

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Клэр, Кассандра.

К51 Орудия смерти. Город потерянных душ : [роман] / К. Клэр; пер. с англ. М. Моррис. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 672 с. — (Миры Кассандры Клэр)

ISBN 978-5-17-102975-3

Клэри Фрей предстоит отправиться в самое сердце Тьмы. Затеяв опасную игру, она бросает вызов раю и аду, чтобы спасти Джейса, которого она любит больше жизни. Джейс теперь — верный слуга Тьмы и неразрывно связан с Себастьяном, который собирается уничтожить Сумеречных охотников. Только Клэри и семья Джейса считают, что его можно спасти. Будущее Сумеречных охотников зависит от успеха этой миссии. Клэри готова на все ради Джейса, даже если цена, которую придется заплатить за любовь, будет слишком высока.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)**

**Copyright © 2012 by Cassandra
Clare, LLC**

**© М. Моррис, перевод на русский
язык**

ISBN 978-5-17-102975-3

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается
Нао, Тиму, Дэвиду и Бену*

*Никто не выбирает зло
во имя самого зла.
Его лишь принимают за счастье,
за добро, которого взыскуют.*

Мэри Уоллстонкрафт

Пролог

Саймон стоял, немо глядя на парадную дверь собственного дома.

Другого дома он никогда не знал. Сюда родители принесли его, когда он родился, и здесь, в стенах дома на Бруклин-роу, он и вырос. Летом играл на улице в лиственной тени деревьев, зимой мастерил самодельные снегоступы из крышек от мусорных баков. Здесь, в этом доме, его семья сидела шиву¹ после смерти его отца. Здесь же он впервые поцеловал Клэри.

¹ «Сидеть шиву» в иудаизме означает соблюдать особый семидневный траур по умершему. В дни шивы члены семьи покойного не выходят из дома, а также соблюдают ряд иных религиозных запретов. В числе последних — запрет сидеть на стульях, вместо них сидят на специальных низких скамеечках; отсюда и само выражение «сидеть шиву». *Здесь и далее прим. переводчика.*

Он никогда даже представить себе не мог, что настанет день — и дверь этого дома будет для него закрыта. Когда Саймон в последний раз видел свою мать, та назвала его чудовищем и умоляла уйти прочь. С помощью гламора он заставил ее забыть о том, что он теперь вампир, но не знал, как долго гламор продержится. И, стоя на холодном осеннем ветру, глядя прямо перед собой, Саймон понимал — времени не хватило.

Дверь была вся испещрена знаками: грубо намалеванные краской звезды Давида, врезанные в дерево контуры слова *Хай*¹ — «жизнь». К дверной ручке и молотку кто-то привязал тфилины². *Хамса*, *Рука Бога*³, закрывала глазок.

Саймон через силу тронул металлическую мезузу, прибитую справа от двери. Он видел, как задымилась плоть там, где его рука соприкоснулась с освященным предметом, но ничего не почувствовал. Даже боли. Только жуткое, пустое ничто, медленно превращавшееся в холодную ярость.

¹ Слово «жизнь», написанное на иврите, считается оберегом против зла.

² Элемент мужского молитвенного облачения в иудаизме — две маленькие черные кожаные коробочки, внутри которых находятся пергаменты с отрывками из Торы.

³ Защитный амулет в форме раскрытой ладони, особенно популярный на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Пролог

Он пнул дверь так, что эхо от удара разнеслось по всему дому.

— Мам! — заорал Саймон. — Мам, это я!

Стук спешно задвигаемых засовов был ему единственным ответом. Обостренный слух Саймона распознал шаги матери, ее дыхание... но она не сказала ни слова. Даже сквозь дерево он чуял кислотоватый, пронзительный запах ее страха.

— Мам! — голос Саймона дрогнул. — Мам, ну это вообще ни в какие ворота не лезет! Впусти меня! Это же я, Саймон!

Дверь тряхнуло так, словно мать отвесила ей пинка в ответ.

— Убирайся! — хрипло отозвалась она неузнаваемым от ужаса голосом. — Убийца!

— Я не убиваю людей, — Саймон устало прислонился лбом к двери. Он понимал, что, скорее всего, мог бы ее попросту выбить — но что бы это доказало? — Я же тебе говорил. Я питаюсь только кровью животных.

— Ты убил моего сына, — проговорила мама. — Убил его, и подменил монстром.

— Я и *есть* твой сын!

— Ты выглядишь, как он, и говоришь ты его голосом, но ты не он! Ты не Саймон! — теперь она почти кричала. — Убирайся прочь от моего дома, пока я тебя не порешила, чудовище!

— Бекки, — выговорил Саймон. Он почувствовал, что щеки у него мокрые и коснулся их,

и когда отнял ладони, увидел пятна: он плакал кровавыми слезами. — Что ты сказала Бекки?

— *Держись подальше от своей сестры,* — и Саймон услышал за дверью грохот, словно что-то опрокинули.

— Мам, — повторил он, не в состоянии снова повысить голос: получился только хриплый шепот. Рука начинала пульсировать. — Мне надо знать, тут Бекки или нет. Мам, открой дверь. Пожалуйста...

— *Держись от Бекки подальше!* — и Саймон услышал, как она попятилась прочь. Затем раздался пронзительный скрежет открывающейся кухонной двери — его бы Саймон ни с чем не перепутал. Скрипнул линолеум под ногами матери; открылся кухонный ящик. Перед глазами вдруг встала мама, хватаящаяся за нож.

Пока я тебя не порешила, чудовище.

Эта мысль вмиг заставила его отшатнуться от двери. Если мама бросится на него с ножом, сработает Метка. И уничтожит ее так же, как уничтожила Лилит.

Он уронил руку и медленно отступил прочь от двери; спотыкаясь, сошел со ступенек, двинулся через тротуар и там, наконец, прислонился к стволу одного из затенявших квартал больших деревьев. Там он и стоял — глядя на входную дверь собственного дома, отмеченную и изуродованную знаками ненависти, которую к нему питала его собственная мать.

Пролог

Нет, напомнил он себе. Не к нему была эта ненависть. Мама ведь считала, что он умер. Того, что она ненавидела, не существовало в природе. *Я не то, чем она меня называет.*

Саймон не знал, как долго еще простоял бы там, таращась на дверь, если бы карман его куртки не завибрировал от телефонного звонка.

Он рефлексивно потянулся за телефоном, заметив, что узор с передней части мезузы — переплетенные Звезды Давида — отпечатался на ладони ожогом. Переложив телефон в другую руку, он прижал трубку к уху.

— Алло?

— Саймон? — это была Клэри, и, судя по голосу, она едва переводила дух. — Ты где?

— Дома, — сказал было Саймон и замолчал. — У мамы дома, — поправился он. Собственный голос показался ему пустым и отстраненным. — Ты почему еще не вернулась в Институт? Со всеми все в порядке?

— Вот поэтому я тебе и звоню, — ответила Клэри. — Сразу после того, как ты ушел, Мари-за спустилась обратно с крыши, где должен был ждать Джейс. Так вот, никого там не было.

Саймон тронулся с места. Не осознавая этого толком, как механическая кукла, он двинулся вверх по улице — к входу в метро.

— В смысле — никого не было?

— Джейс исчез, — сказала она, и Саймон уловил напряжение в ее голосе. — И Себастьян тоже.

Саймон замер в тени голых ветвей дерева.

Кассандра Клэр. Город потерянных душ

— Но Себастьян был мертв. Клэри, он умер...

— Тогда объясни мне, почему его тела там нет, потому что его там нет, — сказала она, и ее голос наконец-то дрогнул. — Там наверху вообще ничего нет, только полно крови и разбитого стекла. Они оба пропали, Саймон. Джейс пропал...

Часть первая
НЕТ ДЕМОНА ИНОГО

*Любовь — колдуньи фамильяр.
Любовь есть дьявол.
Нет демона иного, чем Любовь.*

Уильям Шекспир,
Бесплодные усилия любви

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

1

Последний Совет

— **К**ак думаешь, долго еще ждать приговора? — спросила Клэри. Она понятия не имела, сколько они уже ждут, но, судя по ощущению, прошло часов десять. В похожей на пудреницу спальне Изабель, выдержанной в черных и кислотно-розовых тонах, часов не было — зато были кучи одежды, стопки книг, груды оружия, трюмо, заставленное сверкающими баночками с косметикой, использованные кисти для макияжа и открытые ящики, из которых так и вываливались кружевные трусики, полупрозрачные чулки и боа из перьев. Атмосфера здесь чем-то напоминала закулисье «Клетки для чудаков»¹, но Клэри провела в этом усыпанном блестками хаосе достаточно времени, чтобы теперь находить его даже уютным.

¹ Мюзикл и фильм по одноименной пьесе из жизни гомосексуальных артистов-мужчин, выступающих в женском образе.